

ӘОЖ 94 (574)
КБЖ 63.3 (5 Қаз)
Ұ 46

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ТҮРКІ АКАДЕМИЯСЫ

Бас редактор

Қыдырәлі Дархан Қуандықұлы,
т.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі

Редакция алқасы

Жолдасбеков Мырзатай – ф.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА академигі (Қазақстан); Рэгдэл Дүгэрийн, ж.ғ.д., профессор, МҒА (Моңғолия); Габибейли Иса – ӘР ҰҒА академигі, ф.ғ.д., профессор (Әзербайжан); Васильев Дмитрий Дмитриевич - т.ғ.к., профессор, РЖҒА корр.-мүшесі (Ресей); Ахметов Әділ Құрманжанұлы – ф.ғ.д., профессор (Қазақстан); Кожаноғлу Тимур – филология докторы, профессор (АҚШ); Конкобаев Кадыралы – ф.ғ.д., профессор (Қырғызстан); Көмеков Болат Ешмұхамбетұлы - т.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА академигі (Қазақстан); Аскаров Ахмадали, академик, т.ғ.д.(Әзбекстан); Бутанаев Виктор Яковлевич - т.ғ.д., профессор (Хакасия, РФ); Дыбо Анна Владимировна - ф.ғ.д., профессор, РҒА корр.-мүшесі (Ресей); Исхаков Дамир Мавляевевич – т.ғ.д., профессор (Ресей, Татарстан); Досымбаева Айман – т.ғ.д., профессор (Қазақстан); Шамялоғлу Юлай – филология докторы, профессор (АҚШ).

Ұ 46 «Ұлы Дала». IV-ші халықаралық гуманитарлық ғылымдар форумының материалдары (Екінші бөлім) – Нұр-Сұлтан: «Ғылым» баспасы, 2019. – 976 бет

Бұл жинақта Астана қаласында өткен IV-ші «Ұлы Дала» халықаралық гуманитарлық ғылымдар форумында жасалған баяндамалар мен ғылыми мақалалар жинақталып беріліп отыр.

Жинақ ғалымдарға, студенттер мен ізденушілерге, сонымен қатар жалпы көпшілік оқырманға арналған.

ISBN 978-601-7999-15-9 (II)
ISBN 978-601-7999-13-1 (жалпы)

ӘОЖ 94 (574)
КБЖ 63.3 (5 Қаз)

©Халықаралық Түркі академиясы, 2019

Курманов З.К. / Сарсенбаев Б.С. <i>Исследование истории тюркских народов и государств как важный фактор сближения и сотрудничества в условиях глобализации.....</i>	816
Мамедли А. Э. <i>Культурные смыслы исторического пространства "Ичери шехер" (Внутреннего города) в Баку: социально-антропологический аспект.....</i>	823
Мамедова Н. А. <i>Интеграция азербайджанцев в Грузии.....</i>	834
Мехтиева А. А. <i>Историческая роль архитектурных памятников в евразийском пространстве (на основе материалов памятника Девичьей башни).....</i>	841
Муфтахутдинова Д. Ш. <i>Русско-татарское взаимодействие в интеграционных процессах казахских земель (конец XVIII-первая пол.XIX в.).....</i>	853
<i>Степной коридор, транспорт и некоторые закономерности расположения столиц в Северной Евразии.....</i>	862
Насиров Э. <i>Азербайджано-казахстанские стратегические отношения в свете интеграционных процессов в тюркском мире.....</i>	872
Ötərov V. A. <i>Sənubi Qafqazda Demografik Şərait.....</i>	876
Özkan G. <i>Türk Dünyasında Hukuk Birliği ve Milli Hukuk İhtiyacı.....</i>	888
Павлова О. С. <i>Характеристика размещения беженцев на территории Уфимской губернии в статистическом и организационном аспектах в годы первой мировой войны.....</i>	903
Пискунова И. В. <i>Каракалпаки и Казахские жузы (XVII-XVIII вв).....</i>	910
Саникина С. Р. / Сагитова А. Г. <i>Мостай Кəримдең «Озон-озак бала сак» əсəрендə тел байлыгы.....</i>	917
Солодова Г. С. <i>Интеграционные образовательные практики в Центральной Азии (ретроспективный аспект).....</i>	924
Теуш О. А. <i>Тюрко-русское взаимодействие: обозначения пространства (на материале лексики Европейского Севера России).....</i>	930
Хамедова О. А. <i>Образ тюркской женщины в украинской прессе 1920-1930-х годов.....</i>	937
Shahrani M. Nazif Mohib <i>Al Beruni's Anthropology in the Fi Tahqiq Malil Hind in Three Settings.....</i>	946
Шапошиников Г. М. <i>Роль органов местного самоуправления в вовлечении в трудовую деятельность населения.....</i>	967
Шаяхметова И. З. <i>К вопросу об исследовательской мобильности на постсоветском пространстве в XXI веке.....</i>	972

ОБРАЗ ТЮРКСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В УКРАИНСКОЙ ПРЕССЕ 1920-1930-Х ГОДОВ

Хамедова Ольга Анатольевна *

THE IMAGE OF A TURKIC WOMAN IN THE UKRAINIAN PRESS OF THE 1920S AND 1930S

ABSTRACT:

The images of Turkic women presented in the Ukrainian press of 1920-1930s are analyzed in the article. The class principle was decisive for the characterization of women in the Ukrainian Soviet newspapers and magazines, but the national principle was decisive in Western Ukrainian newspapers. In the Soviet press, women's emancipation was considered a component of the world communist movement. Therefore, propaganda tried to draw the Turkic women into active struggle for the world revolution. A new image of a Turkic woman was being formed – initiative and active in social life.

KEY WORDS: Turkic woman, emancipation, oppression, reform, communist movement.

В украинской прессе 1920-1930-х годов зафиксирован стабильный интерес к теме развития тюркских народов и, в частности, к проблемам жизни тюркской женщины, причем это касается как периодических изданий Советской Украины, так и прессы Западной Украины, которая до 1939 года была оккупирована Польшей, Чехословакией и Румынией. Следует отметить, что украинская советская пресса больше рассказывала о тех тюркских народах, которые находились в составе Советского Союза (казахи, туркмены, киргизы, узбеки, крымские татары, азербайджанцы), а западноукраинские издания, которые не имели информации о жизни этих народов, освещали реформы в Турции. В Украине нет целостных исследований, посвященных жизни тюркских женщин, хотя существует множество материалов в прессе и литературе, которые могут служить источниками для

---

* Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры украинской литературы и компаративистики Киевского университета имени Бориса Гринченко vivavox@i.ua

подобных исследований, и в этом заключается актуальность нашей работы.

Цель исследования – проанализировать ключевые образы женщин тюркских народов в украинской прессе 1920-1930-х годов (как в ее восточноукраинском советском сегменте, так и западноукраинском), определить основные технологии моделирования подобных образов.

Объектом нашего исследования стали ключевые общественно-политические периодические издания Украины 1920-1930-х годов, которые проявляли значительный интерес к теме жизни женщин тюркских народов, среди них “Культура і побут” (“Культура и быт” - еженедельная газета о вопросах культуры, науки, искусства, которая издавалась как приложение к центральной украинской газете “Вести ВУЦВК”), “Глобус” (общественно-политический и литературный двухнедельный иллюстрированный журнал, издавался в 1923-1935 годах в Киеве); “Коммунарка України” (ежемесячный общественно-политический и литературно-научный иллюстрированный журнал для женщин, издавался в 1920-1934 годах в Харькове); “Селянка України” (“Крестьянка Украины” (рус.) – иллюстрированный общественно-политический двухнедельник для женщин, издавался в 1924-1931 годах в Харькове); “Діло” (“Дело” (рус.) – ежедневная общественно-политическая газета, издавалась в 1880-1939 годах во Львове); “Неділя” (“Воскресенье” (рус.) – еженедельная иллюстрированная общественно-политическая газета, 1928-1939, Львов).

Украинская советская пресса в рамках пропагандистского дискурса распространяла лозунг коммунистов о скорейшей эмансипации советской женщины, поэтому возникла тема реформирования жизни женщин тюркских народов. Каждая статья начиналась перечислением тяжелых условий жизни женщины, причем акцентировалось внимание на подчиненном статусе в семье и обществе, в меньшей мере – на тяжелых бытовых условиях. Так, в статье Ф.Нелепова “Женщины Советского Востока” (1924) украинским читателям рассказывалось, что “в Киргизии, Азербайджане, Туркестане и Башкирии женщины до сих пор ходят с закрытыми лицами. Этого обычая придерживаются для того, чтобы чужой мужчина не позарился на женскую красоту”, а в “Хорезмской республике можно услышать разговоры о том, что на базаре верблюды подорожали, а женщины подешевели или наоборот” [Нелепов, 1924: 10]. Журналист также

утверждал, что советская власть борется с обычаем ранних замужеств для девочек, приводилась в пример история жизни туркменской девушки дважды насильно выданной замуж и счастливого ее спасения благодаря обращению в советский народный суд.

Тема семейного деспотизма не случайно наиболее активно поднималась в украинских женских периодических изданиях (“Коммунарка Украины”, “Крестьянка Украины”), поскольку именно в середине 1920-х годов шло активное обсуждение в прессе нового брачного кодекса и прав женщин в семье. Случаи домашнего насилия, тирании мужчин не были редкими в патриархальных украинских семьях, на что обращали внимание журналисты того времени. Поэтому тема угнетения женщин тюркских народов находила живой отклик и сочувствие у украинских читательниц. В обзоре Н.Зинкиной “Деятельность среди женщин в Средней Азии” в журнале “Селянка України” указаны красноречивые факты рабского положения женщин: “В Туркмении женщина при мужчине не может разговаривать, для этого ей завязывают платком рот. Женщина кара-киргизка не имеет права вместе со своим мужем есть. Узбечка спрятана в душном дворе и имеет право выходить только закутанной в длинный халат “поронджу” и под покрывалом из конского волоса” [Зинкина, 1925: 7].

В советских журналистских текстах 1920-1930-х годов присутствовала оппозиция *“несчастливое прошлое – счастливое будущее”*, а современность изображалась как переходный этап. Прогресс в современной жизни связывался с большевистской революцией 1917 года и установлением советской власти: “За семь лет советской власти уже заметно, что самосознание восточных народов увеличивается вообще и в частности сознание восточной работницы” [Одинец, 1926: 12]. Во многих текстах материалы завершались одинаковым трафаретным выражением приблизительно такого содержания: “вместе с советской властью при помощи всех трудящихся нашего Союза женщина на востоке уничтожает старую жизнь и строит лучшее будущее” [Одинец, 1926: 12]. Среди позитивных изменений в современной жизни тюркской женщины называлось то, что советская власть взяла на себя функцию защиты от домашней тирании через организацию женотделов, народного суда, различных партийных органов.

В большинстве проанализированных статей, кроме семейного деспотизма, подчеркивалась другая важная социальная проблема:

“женщина Востока чуть ли не на 100% безграмотна” [Селянка України, 1925: 16] и сразу же приводились факты об открытии советской властью школ, политклубов, мастерских для женщин. Открытие женских школ часто давало повод журналистам сделать нелогичный вывод об абсолютной эмансипации и будущем атеизме тюркской женщины: “женщина востока просыпается от векового сна и встает для борьбы с религиозным дурманом и с прапрадедовскими обычаями, которые угнетают ее” [Селянка України, 1925: 16].

Освобождение тюркских женщин связывалось с развитием женского революционного движения, и для этого необходимо было их массовое участие в коммунистических организациях разного уровня. Но, по сути, единственными доступными для женщин общественными организациями были т. наз. женотделы, коммунистические органы для работы с женщинами. Вступление в Коммунистическую партию считалось наиболее важным и почетным этапом жизни, пиком гражданской активности эмансипированной женщины. Поэтому в статьях часто приводилась статистика количества женщин, которые стали комсомолками или коммунистками: “Женщин местного населения - членов клуба по ленинскому набору вступило в партию: в Башкирии – 116 женщин, в Азербайджане – 59 женщин и в Туркестане – 141 женщина” [Нелепов, 1924: 12]. Подобные материалы умело визуализировались: под вышеуказанной статьей, например, была размещена фотография женского собрания с подписью “Узбечки слушают лекцию в Туркестане” [Нелепов, 1924: 12].

Этноним “тюрчанка” встречается довольно редко в украинских публикациях, исключением является, например, очерк (“дорожные записки”) И.Туркельтауба “По Закавказью”, опубликованный в центральной украинской газете “Вести ВУЦВК” (“Культура и быт”). В очерке автор тюрчанками называет женщин Азербайджана. Автор поделился впечатлениями от своего путешествия по Закавказью и обратил внимание, что в 1927 году в азербайджанской провинции многие женщины еще носили чадру - “этот символ рабства восточной женщины”, но в Баку он встретил “эмансипированных тюрчанок, европейек в полном понимании этого слова” [Турнелтауб, 1927: 8]. Они одевались по последней европейской моде, и осваивали новую, профессиональную сферу. Как утверждал автор, только в 1926 году азербайджанским женщинам было разрешено играть на

сцене, и посетив театр, журналист отметил их высокий профессионализм и мастерство: “Тюркские актрисы чудесно танцуют. Пластичность, ритмичность, весь образ их дышет настоящей восточной красотой” [Турнелътауб, 1927: 8].

Но воплощением новой тюркской женщины в большей мере становились те работницы и крестьянки, которые были прежде всего партийными активистками, именно их фотографии часто размещались в украинской женской прессе. При этом имена этих героинь часто не назывались, таким образом фотографии были деперсонализированы и становились обезличенными символами успехов советской власти в решении “женского вопроса” в союзных республиках.

Классовый принцип в оценке общества был определяющим для коммунистической идеологии, этого принципа придерживались и журналисты 1920-1930-х годов. В материалах украинской советской прессы тюркские женщины разделялись на буржуазных женщин и представительниц пролетариата: первая называлась с пренебрежением “буржуйкой”, а вторая с уважением и сочувствием – “восточная работница”, “батрачка”.

Если про достижения советской власти в женском вопросе рассказывалось много, то намного более сдержанными были оценки реформ в Турции 1920-х годов. В рубриках международной политики время от времени возникала тема турецких женщин. В журнале “Глобус” (1926, № 1) была опубликована статья с большой фотографией под заголовком “Старая и новая Турция”. Контрастно противопоставлялись две группы женщин в нескольких вариантах традиционной мусульманской одежды (хиджаб, никаб, химар) с частично скрытыми или полностью закрытыми лицами и женщин в европейской одежде в шляпках. Две группы женщин символически обозначали старую, имперскую страну с религиозной доминантой и светское европейское государство, которым стремилось стать Турция. Освобождение женщины демонстрировалось на важной детали мусульманской одежды – “чадры”. Смена одежды трактовалась как кардинальное и позитивное изменение традиционного способа жизни всей Турции, как ее прогрессивное движение вперед. Фотография визуально представляла информацию о реформе Мустафы Кемаля по “европеизации” Турции. Подчеркнуто, что “отмена чадры и признание шляпы как приличного головного убора, обязательного для женщины – сенсация дня” [Глобус, 1926: 3]. В другой

публикации “Восточная невольница” в журнале “Селянка України” (1929, Ч.4) анонимный автор рассказывал о женщинах Персии и Турции, представительницах самых бедных слоев населения. Акцент был сделан на том, как формируется их классовое сознание. Самыми прогрессивными женщинами в Турции, например, автор назвал женщин, которые вступили в коммунистическую партию, хотя и уточнил, что таких – единицы.

Журналисты западноукраинских изданий могли бы согласиться с советскими журналистами только в одном, что “самая интересная деятельность Кемаля касается эмансипации турецкой женщины” [Глобус, 1926: 3], но основные идейные акценты были абсолютно другими: вместо классового принципа определяющим в оценивании эмансипационного проекта становился национальный.

Львовская ежедневная газета “Діло” была самой популярной среди украинцев западноукраинских земель. Газета имела постоянную рубрику “Женский вестник”, журналистками которой были активные участницы массовой женской организации “Союз Укранинок”, которые считали своей обязанностью возрождение национального и самосознания украинских женщин. Поэтому естественным кажется и заинтересованность Турцией, которая в то время переживала кардинальные демократические преобразования. 21 октября 1922 года в этой газете публикуется биографический очерк анонимного журналиста/журналистки “Духовный лидер турецкого освобождения”, посвященная “пионерке женского движения в Турции, талантливой поэтессе – Халид Эдиб Ханум” [Діло, 1922: 7]. В очерке определены контрапункты жизни героини – это борьба за освобождение турецких женщин и участие в революционном движении. В патриархальном турецком обществе начала XX века женщина “считается существом низшего уровня, неограниченной собственностью мужчины”, поэтому героиня должна была разрушить патриархальные традиции, чтобы иметь право носить европейскую одежду, получить высшее образование, на собственный выбор [Діло, 1922: 7]. Для сохранения своего человеческого достоинства Халид Эдиб Ханум переживает конфликт с семьей, властями, даже с самим султаном, но не сдается. Во время войны эта смелая женщина организует женскую санитарную службу в турецкой армии. Она поддерживает Мустафу Кемаля в его революционной борьбе, выполняя опасные задания, печатает “пламенные поэзии” в

турецких журналах, наконец, становится первой женщиной-министром в истории Турции. Основная мысль очерка подчеркнута в характеристике героини следующим образом: “Полную эмансипацию женщины она считает необходимым условием нации” [Діло, 1922: 7]. Таким образом, благодаря яркому образу турецкой женщины доказывалась актуальность и необходимость эмансипационных устремлений украинок.

Преобразование восточной турецкой монархии в европейское светское государство заинтересовало также журналистов другого популярного львовского издания “Неділя” (“Воскресенье”). В статье с красноречивым названием “Турция учится. Кемаль-Паша учит турков новой культуре” рассказывалось о реформах в сфере экономики, образования и культуры. Среди всех реформ журналист акцентировал внимание на вопросе эмансипации женщины: “вторая лекция была посвящена женщинам, их освобождению из гаремов и заслон на лице” [Неділя, 1930: 6]. Отметим, что журналист представил исключительно мужской взгляд на эту реформу. Автор утверждал, что турецкие женщины теперь радуются возможности показывать собственное лицо и привлекать красотой многих мужчин: “Кемаль-Паша говорит им отклонить личико и вытаскивает их из-за зарешеченных окон гарема, и то только для того, чтобы они блеснули своей красотой - а какой же женщине, даже бушменской, не хочется этого?” [Неділя, 1930: 6]. Разрешение женщинам носить европейскую одежду рассматривается не как необходимый шаг к полному освобождению дискриминируемой женщины в обществе, к ее внутренней свободе, а прежде всего, как способ понравится мужчине. Автор оставил женщину объектом мужского созерцания и компонентом мужской модели мира.

Образ новой тюркской женщины моделируется в рассказе Н.Пантюхина “Татарка” (“Коммунарка Украины”, 1926, № 1), стилизованным под народную крымско-татарскую легенду. В произведении история любви, которая разворачивается во времена гражданской войны, имеет выразительный социальный подтекст: Зедди - дочь богатого Кара-Мурхаза, а ее любимый Бекир – его работник. Бедный Бекир симпатизирует красным, а его соперник, российский полковник, служит у белых. В отличие от традиционного изображения тюркской женщины как покорного существа, жертвы семейного деспотизма, крымская татарка Зедди изображена смелой и волевой, она не слушает приказов отца, решительно отказывается от возможности замужества с

русским полковником. Ни минуты не сомневаясь, она убегает вместе с Бекиром, хотя осознает, насколько опасен этот путь. Даже во время погони она ведет себя смело и достойно и готова к борьбе: “Зедди любит Бекира. Зедди умеет не хуже его сидеть в седле и стрелять из русского ружья [Пантюхин, 1926: 5]. Рисунок, который сопровождал легенду, красноречиво иллюстрировал поединок Зедди и полковника. Образ Зедди становится обобщенным образом женщины, которую характеризовала Симона де Бовуар: “Она, будучи, как и каждое человеческое существо, свободной личностью, делает выбор и вскоре оказывается в мире, где мужчина наделяет ее ролью Другой. Ее пытаются превратить в вещь, направить к имманентности, поскольку ее трансцендентность постоянно подпитывала в ней осознание своей достаточности и суверенности. Драма женщины - именно в этом конфликте между настойчивым стремлением любого субъекта утвердить свою достаточность и ее положением, которое превращает женщину в подчиненный объект” [де Бовуар 1994: 42]. Само название рассказа – “Татарка” – указывает на расставленные автором акценты: он показал крымско-татарскую женщину как ту, которая борется за собственные выбор и достоинство.

Таким образом, в украинской прессе 1920-1930-х годов констатировалось субординированное положение тюркской женщины в семье и обществе в царском прошлом и анонсировалось улучшение жизни женщины в советском настоящем. Журналисты обращали внимание на некоторые социальные проблемы, например, на необходимость ликвидации безграмотности среди женщин, открытия школ. Но недостаточно внимания уделялось проблемам женской повседневности, быту, здоровью. На страницах украинских советских периодических изданий велась активная атеистическая пропаганда, поэтому среди причин тяжелого положения тюркской женщины-мусульманки называлась ее глубокая религиозность. Визуальная составляющая материалов свидетельствует о “обезличивании” женщин, которые на фотографиях были безымянными, но социально маркированными. В рамках коммунистической идеологии женская эмансипация считалась компонентом международного пролетарского движения за социальное освобождение, поэтому женщина не ценилась как самодостаточная личность, она рассматривалась как ресурс, который можно использовать для

укрепления советской власти в регионах и распространения коммунистической пропаганды.

В отличие от советских, западноукраинские журналисты связывали идею эмансипации женщин с национально-освободительной борьбой, освещали реформу демократических преобразований в жизни тюркской женщины и подчеркивали ее участие в национально-освободительных движениях. Дидактическая цель подобных публикаций очевидна – воспитание во многих украинках национального самосознания и активное их участие в социальной деятельности на благо Украины. Таким образом, украинскими журналистами в 1920-1930-е годы последовательно формировался образ новой, независимой и социально активной тюркской женщины, хотя идейные акценты (в зависимости от идеологии изданий) кардинально отличались.

ЛИТЕРАТУРА

- Нелєпов Ф. Жінки Радянського Сходу // Селянка України. 1924. Ч.4. С. 10-12
- Зінкіна Н. Праця серед жіноцтва в Середній Азії // Селянка України. 1925. Ч.5. С.7
- Одинець Г. Не кидай товариша в бою // Селянка України. 1926. Ч.5. С. 11
- Жінка Радянського Сходу // Селянка України. 1925. Ч. 4. С.16.
- Туркельтауб І. По Закавказзю // Культура і побут. 1927. 19 лютого. № 7. С.6-8
- Східна невільниця // Селянка України. 1929. Ч.4. С.8-10.
- Стара й нова Туреччина // Глобус. 1926. №1. С.3
- Духова провідниця турецького визволення // Діло. 1922. 22 жовтня. Ч. 41. С.7.
- Туреччина вчиться. Кемаль-Паша вчить турків новочасної культури // Неділя. 19 січня 1930 р. С.6.
- Пантюхин А. Татарка // Коммунарка Украины. 1926. № 1. С. 5-7
- Бовуар С. Друга стаття // Друга стаття. У 2-х т.: Т.1. К.: Основи, 1994. С.42.